

ОДИНЪ ТОЛЬКО ПЕРЕВОДЪ ПЕЕВДОКАЛЛИСФЕНА,
А ДРЕВНЕБОЛГАРЕКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ X ВѢКА — МНИМАЯ.

На страницахъ Византійскаго Временника (т. VII, № 1, 1899 г.) была помѣщена статья акад. А. А. Шахматова подъ заглавіемъ «Древнеболгарская энциклопедія X вѣка». Эта небольшая статья представляеть цѣлый рядъ положеній, ниспровергающихъ старыя выводы по многимъ вопросамъ. Статья касается собственно двухъ памятниковъ, — Александрии и Еллинскаго Лѣтописца, и тому и другому памятнику отведено приблизительно одинаковому числу страницъ. Конечный результатъ статьи Шахматова тотъ, что «въ X вѣкѣ въ Болгаріи была составлена обширная энциклопедія изъ почти всей имѣющейся къ тому времени въ наличности переводной литературы. Въ Россіи эта энциклопедія появилась не позже XI вѣка, причемъ она произвела рядъ компиляцій, извѣстныхъ частью подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго лѣтописца, а частью — подъ другими названіями» (стр. 34). Между прочимъ, въ этой энциклопедіи находились двѣ Александрии: 1) «Александрія въ переводѣ, близкомъ ко второй греческой редакціи», и 2) «Александрія въ другомъ переводѣ по редакціи значительно обо-сложненной»¹⁾. Въ своей статьѣ авторъ подробно останавливается на доказательствахъ указанныхъ двухъ положеній, причемъ исходнымъ пунктомъ служитъ ему мое изслѣдованіе объ Александрии русскихъ хронографовъ, вышедшее въ 1893 году. Но авторъ совершенно отвергаетъ мои выводы о взаимоотношеніи двухъ редакцій Александрии. Въ то время какъ я призналъ, что переводъ Александрии былъ одинъ, и что та редакція, которую я назвалъ второй, явилась изъ первой путемъ переработки, главнымъ образомъ при посредствѣ добавленій, — Шахматовъ утверждаетъ, что издавна существовало два перевода Александрии съ различныхъ греческихъ редакцій, одна съ краткой, другая — съ полной, что оба перевода помѣщались рядомъ въ одномъ памятникѣ, который онъ называетъ энциклопедіей, и впоследствии, когда изъ этой энциклопедіи стали выдѣляться различныя редакціи Еллинскаго Лѣтописца, то авторы послѣднихъ брали то ту редакцію Александрии, то другую, то наконецъ производили смѣшеніе той и другой. При такомъ взглядѣ положеніе дѣла измѣняется радикально, и если оправдаются положенія Шахматова, то мои выводы сведутся къ нулю.

1) Тѣ же результаты съ нѣкоторыми выходящими изъ нихъ, слѣдствіями изложилъ Шахматовымъ въ другой его статьѣ «Начальный Кіевскій Лѣтописный сводъ и его источники», помѣщенный въ Труды Этнографическаго Отдѣла Общества люб. естеств., этногр. и географ. при Москов. унив. т. XIV, стр. 1-9 (Юбилейный томъ въ честь проф. Всева. Фед. Миллера).

Прежде чѣмъ разбирать настоящій вопросъ по существу, считаю нужнымъ коснуться высказанныхъ авторомъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, отъ которыхъ давно-бы слѣдовало отказаться, или, по крайней мѣрѣ, высказывать ихъ съ большою осторожностью. Не находя возможнымъ признать появленіе второй редакціи Александрии на Руси въ виду ея особенной литературной обработки, авторъ говоритъ слѣдующее: «Пользованіе десятью-пятнадцатью источниками при литературной работѣ предполагаетъ, мнѣ кажется, совершенно иную обстановку, чѣмъ та, среди которой работалъ русскій книжникъ: врядъ же ему могло быть одновременно доступно такое книжное богатство, а если и было доступно, то врядъ ли онъ сумѣлъ бы въ немъ разобраться и цѣлесообразно употребить обильный и разнородный матеріалъ» (стр. 6-7). Еще рѣзче это высказывается на стр. 24: сказавъ, что я признаю вторую редакцію Александрии стройнымъ цѣлымъ, свидѣтельствующимъ о начитанности ея редактора и умѣннѣ пользоваться прочитаннымъ, авторъ продолжаетъ такъ: «Неужели могло возникнуть такое изъ ряду вонъ выдающееся произведеніе на Руси XIV-XV в.? Если бы даже допустить возможность компиляціи на основаніи двухъ десятковъ литературныхъ источниковъ, то невѣроятно предположить, чтобы русскій книжникъ могъ дать своей компиляціи опредѣленную физиономію выдержать особенный тонъ въ разсказѣ, предложить, напр. рѣчь Дарія въ художественномъ исполненіи, представивъ въ ней вмѣстѣ

съ тѣмъ очень реално мысль о суетѣ міра». – Отъ такихъ положеній лучше всего отказаться. Когда почему-либо нужно доказать, что такой-то и такой-то памятникъ не могъ появиться на Руси, тогда часто начинаютъ съ того, что онъ не могъ появиться потому, что русскій человѣкъ того времени былъ де недостаточно образованъ. Оъ этого обыкновенно начинали напр. рѣчь о происхожденіи Толковой Палеи, и мнѣ уже разъ пришлось высказываться противъ такого предвзятаго мнѣнія, которое выдвигается всякій разъ, какъ въ немъ явится нужда. Я не могу сказать по этому поводу ничего новаго кромѣ того, что я сказалъ однажды, но въ виду только что высказаннаго повторенія, я нахожу нужнымъ еще разъ повторить то, что мною было сказано по поводу замѣчаній Франка о Толковой Палеѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г. № 1-й, ч. 315, стр. 115): «Г. Франко высказываетъ сомнѣніе, чтобы на Руси могъ найтись такой ученый человѣкъ, который могъ бы черезъ всю книгу провести одну идею, и спрашиваетъ, почему бы авторомъ не могъ быть какой-нибудь грекъ, научившійся писать по церковному? Въ научной лпературѣ проскальзываютъ такія мысли, и малоученость древнорусскаго человѣка часто служить исходнымъ пунктомъ для сужденій о мѣстѣ сложения того или другого памятника. Казалось-бы, нужпо было судить какъ разъ наоборотъ. При настоящемъ положеніи вопроса объ объемѣ древнерусской литературы и происхожденіи того или другого памятника еще нѣтъ никакихъ основаній къ обвиненію въ полномъ невѣжествѣ и неспособности древне-русскаго чсловѣка составлять изъ готовыхъ источниковъ что-нибудь свое, какую-нибудь свою компиляцію, нужную для тѣхъ, или друпхъ цѣлей. Мы слишкомъ еще недостаточно знаемъ древнерусскаго книжника, чтобы сплеча а ргіогі записать его разъ навсегда въ ряды людей, неспособныхъ къ жпвому труду. Но если мы будемъ ввнимательно слѣдить за успѣхами изученія древнерусской литературы, то мы поневолѣ должны будемъ все болѣе и болѣе признавать за «малоученымъ Русиномъ» способность пользоваться доступнымъ ему матеріаломъ для своихъ соображеній... Для пользы дѣла слѣдуетъ разъ навсегда оставить предвзятую мысль о какой-то неспособности къ самостоятельной работѣ древнерусскаго книжника... Вполнѣ понятно, что предвзятая мысль о малоучености древнерусскаго книжника... можетъ не допускать возникновенія такого памятника, какъ Толковая Палея, на Руси изъ подъ пера русскаго книжника. подобно тому какъ отвращеніе къ западу и предвзятая мысль о византійскомъ происхождеіи всѣхъ нашихъ литературныхъ произведеній можетъ мѣшать правильному взгляду на старыя переводы съ латинскаго языка». – Теперь приходится, какъ видимъ. повторить то же самое. Ну а если, спросимъ мы, взгляды автора на вторую редакцію Александрии не оправдаются, какъ не оправдались взгляды прежнихъ изслѣдователей, которымъ послѣдовалъ и г. Франко, на Толковую Палею? Лучше такія послыки до поры до времени оставить. Да и почему обстановка времени Симеона въ Болгаріи въ этомъ отношеніи была болѣе благоприятна, нежели обстановка русскаго книжника XII—XIV в. въ извѣстныхъ періодахъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ? Вѣкъ Симеона называется, правда, золотымъ вѣкомъ, но литературное движеніе этого вѣка выражалось въ переводахъ и только въ переводахъ. Никакихъ компилятивныхъ работъ, въ родѣ нашей лѣтописи, Толковой Палеи, или такихъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ — мы въ тотъ періодъ не находимъ. Поэтому, вѣкъ Симеона можетъ быть названъ «золотымъ» въ смыслѣ непосредственнаго перехода византійской литературы въ болгарскую, но не въ смыслѣ развитія литературныхъ обработокъ стараго матеріала, о чемъ **наиболѣе успѣвали русскіе книжники.**

Повидимому, для автора доказательствомъ происхожденія второй редакціи Александрии изъ особаго греческаго оригинала служить совпаденіе ея въ нѣкоторыхъ чертахъ съ латинскою Historia de proeliis. Особенно это совпаденіе замѣчается въ смѣшеніи перваго лица съ третьимъ въ добавленіяхъ описанія хожденія Александра на востокъ: Александръ говоритъ отъ перваго лица, редакторъ, добавляя чудеса, старается также говорить отъ перваго лица, но иногда ошибается и ведетъ рѣчь отъ третьяго (Шахм. 24, у меня 189). Совпаденіе въ данномъ случаѣ второй редакціи Александрии съ Historia de proeliis, вторая редакція которой явилась также путемъ распространенія первой, краткой (см. у меня, стр. 40-43), съ перваго взгляда, пожалуй, могло бы свидѣтельствовать въ пользу Шахматова, если бы послѣдній доказалъ, что и Historia de proeliis полной редакціи также представляетъ особый переводъ греческаго орпгинала, совпадавшаго, по крайней мѣрѣ во многомъ, съ оригиналомъ второй редакціи Александрии. Если бы это можно было доказать, то у насъ былъ бы большой соблазнъ приводить вторую редакцію Александрии и вторую редакцію Historia de proeliis въ непосредственную связь, возводя ихъ къ одному греческому источнику. Но этого нѣтъ, и полная редакція Historia de proeliis имѣетъ свое независимое происхожденіе на латинской почвѣ, какъ это доказано изслѣдователями. Въ такомъ случаѣ приводить ихъ въ генетическую связь никоимъ образомъ нслзя, и если я въ своей книгѣ дѣлалъ сопоставленія, то не для доказательствъ ихъ генетической связи, а для

Comment [AT1]: Ха де: Почему?

Comment [AT2]: Только в переводах!!!

Comment [AT3]: В XVIII век болгарските книжовници имат други занимания и не правят фалшификати като Слово о Полку Игоревѣ

доказательствъ, что процессъ обработки средневѣковыхъ памятниковъ былъ приблизительно одинаковъ и въ Византіи, и на Западѣ, и на Руси. Да если мы ограничимся одной славяно-русской литературой, то и тутъ можемъ видѣть примѣры сбивчивости авторовъ въ приспособленіи къ обрабатываемому памятнику новаго матеріала. Въ Толковую Палею, въ первую ея редакцію, вошли, мсжду прочимъ, два апокрифа — Откровеніе Авраама и Лѣствица Іакова. Апокрифы вели рѣчь отъ перваго лица, но автору нужно было первое лицо перемѣнить на третье, что онъ и дѣлалъ, но, оказывается, не всегда: по недо-мотру оставлялъ и первое. Это свидѣтельствуетъ только за то, что различныя добавленія должны приниматься именно за добавленія, сдѣланныя каждымъ авторомъ независимо.

Въ связи съ этимъ находится другое утвержденіе Шахматова относительно Синодальнаго списка Александріи № 154, который я призналъ за одну изъ посредствующихъ ступеней между первой и второй редакціями. Оставляя пока въ сторонѣ опредѣленіе этого списка Александріи, я долженъ сказать, что утвержденіе автора, по которому «совершенно невѣроятно допустить, чтобы второй редакторъ дополнилъ свой трудъ пзъ тѣхъ самыхъ источниковъ, которые уже послужили составителю переходной редакціи» (стр. 20), — не можетъ имѣть большого значенія, какъ противорѣчащее фактамъ. Достаточно указать на послѣдующія редакціи той же Толковой Палеи.. Авторы ихъ дополняли свои обработки на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, изъ которыхъ составила первая редакція, причемъ брали въ свою очередь изъ этихъ матеріаловъ то, что было пропущено старыми редак-торами; таковы были заимствованія изъ Заветовъ 12 патріарховъ, пзъ Откровенія Авраама и изъ Лѣствицы Іакова. Начитанный авторъ хорошо видѣлъ сходство отдѣльныхъ частей памятника и дополнял ихъ. Значить, это само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ невозможности образованія второй редакціи Александріи такъ, какъ я указалъ.

Авторъ особенно настаиваетъ на характерѣ второй редакціи Александріи, какъ на доказательствѣ невозможности появленія ея на Руси. Характеристика второй редакціи сдѣлана была въ свое время мною, и эта характеристика стала исходнымъ пунктомъ для Шахматова: онъ ее вполне признаетъ и изъ нея исходитъ. Но я вполне поступаю съ той характеристикой, которая въ свое время была сдѣлана мною на стр. 240, и, вслѣдъ за акад. Веселовскимъ, теперь не нахожу возможнымъ ставить вторую редакцію Александріи не ниже западныхъ Александрій. Я и теперь признаю, что въ нашей Александріи нѣтъ ничего рыцарскаго, какъ въ западныхъ Александріяхъ, и что Александръ не вышелъ изъ рамокъ, очерченныхъ ему оригиналомъ на-шего романа. Но теперь я, вслѣдъ за акад. Веселовскимъ, не вижу въ этомъ особеннаго достоинства, а вижу естественную необходимость, единственный способъ, которымъ могла состояться переработка стараго содержанія. Эта естественная необходимость и дѣлала то, что на Александра не легла ни одна черта христіанства: покорность судьбѣ уже намѣчена въ его оригиналѣ, и авторъ романа только попалъ въ тонъ и провѣлъ его съ послѣдовательностью. Но иначе ему и нельзя было поступить при тѣхъ средствахъ, которыми онъ владѣлъ, и при томъ образованіи, которое онъ получилъ. Въ остальномъ нѣтъ ничего, что препятствовало бы признать ея авторомъ русскаго книжника. Если послѣднему извѣстна и историческая, и поучительная, и апокрифическая литература, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: книжникъ и долженъ былъ знать всю подобную литературу.

«Главнымъ результатомъ предыдущаго изслѣдованія — говоритъ авторъ — надо признать слѣдующій выводъ: въ памятникѣ, называвшемся Еллинскимъ Лѣтописцемъ, были помѣщены двѣ переведенныя съ греческаго языка Александріи, Въ скоромъ времени. оставаясь въ томъ же памятникѣ, онѣ начали сближаться любознательными читателями и искусными книжниками: въ основаніе была положена Александрія, близкая ко второй греческой редакціи, причемъ дополненія къ ней изъ второй Александріи вносились въ видѣ маргинальныхъ примѣчаній и руководящихъ ссылокъ на соответствующія мѣста второй Александріи» (стр. 30). Чтобы доказать существованіе двухъ переводовъ одного и того же памятника, нужно сдѣлать немного: нужно сравнить тотъ и другой переводъ съ оригиналомъ, если послѣдній существуетъ, и путемъ извѣстныхъ методологическихъ приемовъ придти къ заключенію о двухъ переводахъ. Это единственный и самый вѣрный путь. Но авторъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать, ибо отъ второго перевода не осталось никакого слѣда. Авторъ насчитываетъ четыре вида Александріи соответственно признаваемымъ имъ четыремъ видамъ Еллинскаго Лѣтописца, и ни въ одномъ видѣ онъ не находитъ слѣдовъ второго перевода соответствующихъ мѣстъ. Ему и не нужно было искать этихъ слѣдовъ, ибо ихъ отсутствіе было ему ясно изъ моего изслѣдованія и изданія. Поэтому и мнѣ ничего не остается, какъ повторить то, къ чему я пришелъ въ своемъ изслѣдованіи, а именно, что тамъ, гдѣ мы имѣемъ въ различнаго рода Александріяхъ соответствующій текстъ, мы имѣемъ дѣло

съ однимъ пе-реводомъ. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ слѣды второго перевода? Оказывается, что слѣды этого второго перевода мы должны видѣть въ тѣхъ добавленіяхъ, которыя находимъ теперь въ различныхъ видахъ Александрии при сравненіи ея съ греческой второй редакціей. На основаніи добавленій, по мнѣнію автора, нужно предположить, что на греческомъ языкѣ была составлена особая редакція Александрии, не дошедшая до насъ, причемъ она составила изъ редакціи В (вторая редакція) со всѣми тѣми добавленіями, или, по крайней мѣрѣ, съ большинствомъ изъ тѣхъ, которыя мы находимъ во второй редакціи славянской Александрии. Этотъ новый, полный переводъ помѣщался рядомъ съ старымъ переводомъ. Тогда произошла удивительная исторія. Какой то книжникъ, можетъ быть, не одишѣ, сталъ сравнивать строчку за строчкой объ Александрии и все, что оказывалось лишнимъ во второмъ переводѣ, крупныя и мелкія статьи, отдѣльныя выраженія и слова, онъ приписывалъ на поляхъ противъ соотвѣствующихъ мѣстъ перваго перевода; иногда же онъ не выписывалъ, а просто дѣлалъ ссылки на соотвѣствующія мѣста второй Александрии. Такъ получился испещренный списокъ перваго перевода Александрии. Остальные редакторы стали каждый по своему распоряжаться этими маргинальями примѣчаніями на поляхъ и ссылками на вторую редакцію Александрии: одни передавали основную текстъ Александрии, внеся ничтожныя добавленія; другіе до половины вносили эти добавленія, а потомъ бросили; наконецъ, третьи внесли всѣ дополненія и воспользовались всѣми ссылками. Но никто изъ нихъ не тронулъ текста второго перевода Александрии. Гдѣ же онъ? Онъ совершенно исчезъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ изобрѣтать второй переводъ Александрии? Вѣдь сущность дѣла остается одна и та же. Какъ у меня вторая редакція представляется происшедшею изъ первой посредствомъ распространенія ея новымъ матеріаломъ, такъ и у Шахматова эта же самая редакція представляется происшедшею изъ первой при посредствѣ распространенія ея новымъ матеріаломъ. Различіе будетъ только: въ рѣшеніи вопроса, откуда редакторъ бралъ этотъ новый матеріалъ. По Шахматову, редакторъ бралъ этотъ матеріалъ изъ второго перевода Александрии, который частію былъ выписанъ его предшественникомъ на поляхъ, частью взять имъ самимъ на основаніи разныхъ ссылокъ, тоже находившихся на поляхъ его неполнаго текста. Такъ или иначе, но вторая редакція Александрии является особой литератур-ной обработкой славянскимъ, если не русскимъ, книжникомъ стараго текста на основаніи готоваго уже славянскаго матеріала. Объ особомъ переводѣ Александрии здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если при-мемъ положеніе Шахматова, то, не говоря о противорѣчии фактическимъ даннымъ, мы получимъ довольно странный путь. Переводится какая-то особая редакція Александрии, которая, если исключить дополненія, буквально сходится съ старымъ переводомъ. Эти дополненія, вынутыя изъ одного перевода, приписываются на поляхъ къ другому переводу. Редакторы, имѣя подъ руками оба перевода, продѣлываютъ совершенно непонятную работу: берутъ первый переводъ и вставляютъ въ него дополненія, помѣщенные на поляхъ, а то и просто по ссылкамъ выписываютъ въ первый переводъ выписки изъ второго. Такимъ образомъ, вторично получается первоначальный видъ второго перевода, какъ онъ вышелъ изъ греческаго оригинала, но только искусственнымъ путемъ, гдѣ общій текстъ взять изъ перваго перевода, а вставки — изъ второго! Не проще ли было бы хоть-бы редактору II вида Еллинскаго Лѣтописца, вмѣсто того, чтобы продѣлывать такую хитроумную работу, взять да и списать цѣлкомъ второй переводъ Александрии, который былъ у него тутъ же подъ руками и въ который онъ по необходимости заглядывалъ, такъ какъ не всѣ выписки могли помѣститься на поляхъ? И зачѣмъ автору понадобилось изобрѣтать такой переводъ и такой путь происхожденія второй редакціи Александрии, который самъ по себѣ совершенно не нуженъ и для увѣрованія въ который нужно имѣть большое вообра-женіе? Для облегченія составленія различныхъ видовъ Еллинскаго Лѣтописца въ этомъ изобрѣтеніи не было никакой нужды, такъ какъ они могутъ объясняться даже съ точки зрѣнія Шахматова безъ придуманной исторіи Александрии. Очевидно, существованіе второго перевода понадобилось для того, чтобы оправдать представленіе о существовавшей нѣкогда «подъ однимъ переплетомъ» громадной энциклопедіи, въ которую для увеличенія ея объема нужно было по-мѣстить еще одинъ переводъ полной Александрии. Но объ энциклопедіи рѣчь будетъ впереди.

Но положимъ даже, что мы признаемъ и такой неестественный путь образованія второй редакціи Александрии. Далѣе признаемъ, что и весь второй переводъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, исчезъ, какъ исчезли многіе памятники. Тогда намъ остается одинъ путь — разсмотрѣть всѣ эти добавленія, внесенныя якобы въ первый переводъ Александрии изъ второго, и рѣшить вопросъ объ ихъ происхожденіи. Если можно будетъ доказать, что они существовали и внѣ второго перевода Александрии, то у автора исчезнетъ послѣдній козырь;

если же нѣтъ, то на сторонѣ автора останется нѣкоторая вѣроятность, основывающаяся, впрочемъ, единственно на томъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго.

По словамъ автора, предположенію, что вторая редакція Александріи составлена изъ первой русскимъ книжникомъ, дополнившимъ ее на основаніи многочисленныхъ памятниковъ болѣе или менѣе едио-роднаго содержанія, «противорѣчить въ особенности то обстоятельство, что источникъ многихъ изъ вставокъ не можетъ быть указанъ, а источникомъ другихъ оставалось бы признать какія-то неизвѣстныя на Руси народныя сказанія объ Александріи» (стр. 21). Но первое не есть доказательство. То, чего нельзя было указать ранѣе, можетъ быть указано позже. Мы всегда находимся въ зависимости отъ наличнаго матеріала, находка котораго въ свою очередь зависитъ въ достаточной степени отъ случая. Важно только то, чтобы неизвѣстное не противорѣчило извѣстному по существу. Въ данномъ же случаѣ нѣтъ никакого противорѣчія. На стр. 239 моего изслѣдованія указаны 15 случаевъ, гдѣ мною не могъ быть указанъ источникъ, но изъ нихъ большинство касается отдѣльныхъ небольшихъ выраженій, изъ которыхъ безъ всякаго опасенія иныя могутъ быть приписаны изобрѣтательности редактора. Наиболѣе крупныя добавленія, источникъ которыхъ въ свое время мною не могъ быть указанъ, читаются лишь стр. 201-202 (III, 10), 204 (III, 5) и 220 (III, 16).

Что же касается до народныхъ сказаній объ Александрѣ, то я готовъ ихъ уступить. Вслѣдъ за акад. Веселовскимъ, я теперь болѣе склоненъ думать, что сказанія о камняхъ, объ испытаніи глубины морской и о восхожденіи Александра на небо взяты изъ письменнаго источника, до насъ недошедшаго. Мнѣ также теперь кажется, «что включеніе въ Александрію русскимъ книжникомъ, дополнившимъ ее по письменнымъ источникамъ, народныхъ сказаній представляется мало вѣроятнымъ» (не скажу — «совершенно невѣроятнымъ»), То, что я не могу указать этого источника — ничего не доказываетъ: при болѣе тщательныхъ поискахъ, можетъ быть, таковой и найдется. Да если и не найдется, то и это не можетъ служить доказательствомъ, что его и не было. Сказаніе объ Ивдійскомъ Царствѣ въ той редакціи, которая вошла въ Александрію, также не отыскано въ отдѣльномъ видѣ, а между тѣмъ оно существовало.

Кромѣ этого, Шахматовъ останавливается на эпизодѣ объ юношѣ-стрѣлкѣ, ставя мнѣ въ упрекъ то, что я, «не обращая вниманія на то, что тотъ же эпизодъ, по указанію А. Н. Веселовскаго, находится въ греческой народной книгѣ «Λόγοι Ἀλεξάνδρου», нахожу возможнымъ признать заимствованіе его второй редакціей изъ Пчелы. По его словамъ, я «упустилъ при этомъ изъ виду возможность заимствованія Пчелою эпизода о юношѣ изъ Александріи» (стр. 22). Последнее утвержденіе не можетъ имѣть мѣста. Изъ изданія Семенова (Сборникъ отд. русск. языка Акад. Наукъ, т. 54) мы узнаемъ, что этотъ эпизодъ читается какъ нѣ древнѣйшемъ спискѣ русской Пчелы (пергаменный сп. Публ. Библ. Ф. п. I. № 44), такъ и въ древнѣйшемъ греческомъ спискѣ Пчелы Публ. Библ. (гр. № CVIII), а также въ спискѣ Парижской Библіотеки № 1169, какъ, по указанію М. П. Сперанскаго, отмѣчено у меня въ изслѣдованіи стр. 204. Парижская же Пчела № 1169, по словамъ Михайлова (Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 1-й, отд. 2, стр. 46) и Семснова (введ. XXIII), должна считаться наиболѣе близкой къ оригиналу, съ котораго былъ сдѣланъ славянскій переводъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакой ни нужды ни возможности видѣть заимствованіе Пчелой эпизода о стрѣлкѣ изъ Александріи: въ русской Пчелѣ этотъ эпизодъ является первоначальнымъ, переведеннымъ съ грече-скаго оригинала. Что же касается того указанія, что «этотъ эпизодъ въ сербской Александріи читается на томъ же мѣстѣ, что во второй нашей редакціи» (стр. 22), то это основано, очевидно, на недоразумѣніи. Ничего общаго въ данномъ случаѣ между нашей Александріей и сербской нѣтъ. Во второй редакціи нашей Александріи эпизодъ помѣщенъ тамъ, гдѣ онъ только и долженъ быть, а именно при описаніи битвы Александра съ Поромъ, которая во второй ред. подверглась распространенію. При этомъ и говорится, что «бѣющимъ же имъ дѣнзи сеѣмъ, ключис- Александрови изѣмати юношоу Инд³-нина на полку хитра стрл-н³емъ» (изд. стр. 197). Въ сербской же Александріи рассказъ объ этомъ эпизодѣ находится среди прочихъ примѣровъ мудрости Александра, и потому безъ всякой связи съ битвой македонянъ съ индійцами. Весь рядъ приведенныхъ рассказовъ въ Сербской Александріи долженъ, дѣйствительно, быть возведенъ къ греческому оригиналу въ виду соответствія таковымъ же въ нѣко-торыхъ среднегреческихъ текстахъ. Но въ послѣднихъ эти рассказы стоятъ совершенно особнякомъ отъ связнаго рассказа о походахъ Александра, и, въ виду ихъ отсутствія въ греческихъ редакціяхъ Псевдокаллисфена, нужно признать ихъ позднѣйшей вставкой въ видѣ цѣлаго собранія мудрыхъ дѣйствій Александра въ тотъ оригиналъ, отъ котораго пошли среднегреческіе тексты и сербская Александрія. Вслѣдствіе всего этого, нѣтъ никакой возможности ставить по отношенію къ данному случаю въ связь вторую редакцію Александріи и сербскую Александрію, и эпизодъ объ юношѣ-стрѣлкѣ

относить к какой то недошедшей до нас Александрии, восходящей к тому же оригиналу, к какому восходит будто бы сербская Александрия.

Также на недоразумѣннѣ, очевидно, основано указаніе на то, что «вторая редакція, такъ же какъ и сербская и вопреки первой редакціи, говоритъ о юношѣ-тезкѣ Алксандра» (стр. 22). Сопоставленіе съ сербской Алексадріей здѣсь не можетъ имѣть мѣста, а тѣмъ болѣе не можетъ-быть и рѣчи о возведеніи эпизода къ одному источнику – какой то особой греческой Александрии, такъ какъ у меня вполнѣ ясно доказано, что весь этотъ эпизодъ вмѣстѣ съ предшествующимъ общимъ взглядомъ на Александра взятъ изъ хроники Георгія Амартола, и притомъ изъ славянскаго уже перевода, съ которымъ онъ совпадаетъ буквально (см. изслѣд. стр. 237-238). Совпаденіе же въ плачѣ Олимпіады настолько несущественно, что не можетъ останавливать на себѣ вниманіе. Весь плачъ во второй редакціи Александрии заключается въ одной строкѣ: «и Νῦσρῆτιши Алимпῶαδα, мῆῆи его, вопῶаше горко, бьющес- и стнюще». Упомянутіе о плачѣ матери надъ гробомъ Александра на столько естественно, что для него нѣтъ нужды восходить далеко – къ греческому оригиналу.

Итакъ, вопреки мнѣнію Шахматова, я утверждаю, что указанныя совпаденія совершенно недостаточны для того, «чтобы задуматься надъ причинами близости сербской Александрии и нашей второй редакціи» (стр. 23). Авторъ не признаетъ вліянія сербской Александрии на вторую русскую, но почему бы ее и не признать? Если автору было желательно привести въ связь ту и другую Александрию, то гораздо было бы проще признать именно вліяніе сербской. Я не призналъ въ свое время, какъ не признаю и теперь, этого вліянія потому, что не нашелъ явныхъ слѣдовъ этого вліянія или даже вообще соприкосновенія, и на этомъ же основаніи не могу признать вліянія на вторую редакцію со стороны такой, которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербской. Если же авторъ думаетъ, что на вторую редакцію повліяла такая, «которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербской», то было бы проще видѣть непосредственное вліяніе послѣдней. Но онъ не объясняетъ намъ, почему, по его мнѣнію, «предположеніе о вліяніи сербской Александрии на вторую редакцію русской должно быть отвергнуто» (хотя этого вліянія никто и не признаетъ), и предположеніе какой то особой Александрии, «которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербскою», понадобилось для другихъ цѣлей.

Далѣе авторъ продолжаетъ: «Это предположеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній. Такъ для доказательства его,

по моему мнѣнію, вполнѣ достаточно привести указаніе Истрина на то, что авторъ второй редакціи Александрии сдѣлалъ отъ себя-въ 30-й главѣ III книги добавленіе, вполнѣ совпадающее съ одной редакціей Псевдокаллисфена (съ кодексомъ С.): не слѣдуетъ ли отсюда, что со-ставитель второй редакціи былъ знакомъ не только съ первой редакціей Александрии, но еще съ другой редакціей, до насъ не дошедшей?»

На это слѣдуетъ отвѣтить: 1) вполнѣ недостаточно и 2) нисколько не слѣдуетъ. Я сдѣлалъ вышеприведенное указаніе только лишь для того, чтобы показать, какъ различные авторы въ мелочахъ могутъ давать показателю совпаденія, и никакъ не думалъ, что такое ничтожное совпаденіе кому-нибудь дастъ поводъ къ заключенію въ родѣ сейчасъ указаннаго. Дѣло касается прибавки одной фразы. Въ первой редакціи читается: дѣтское же тѣло б-ше мрѣтво», а во второй — «дѣтское же тѣло верхнеῆ б-ше мрѣтво а еже ῆ стегну, а то живо б-ше». Не нужно было никакого знакомства съ особой редакціей Александрии, чтобы сдѣлать такое прибавленіе. Если дѣтская часть родившагося уroda была мертва, то слѣдовательно другая часть, нижняя, была жива; тѣмъ болѣе это было ясно для редактора, что далѣе объясненіе толкованія въ первой редакціи читается такъ: «аще бῆ врѣховн-- страна жива бῆла и подвизалас- бы, якоже и звѣрῆ иже сῆтъ по нею» (изд. стр. 101). Ничего нѣтъ удивительнаго, если и рускій писецъ, который всячески распространялъ свой оригиналъ, къ словамъ «дѣтское же тѣло б-ше мрѣтво» добавилъ самъ отъ себя – «а ῆже ῆ стегну, а то живо б-ше», и греческій писецъ, особенность котораго заключалась въ томъ же, къ словамъ оригинала ῆ δῆ τοῆ παιδ...ου προτομῆ Ἄν τεθνηκυῆα добавилъ въ видѣ глоссы τῶ ῆν μέροῆ τῶ καῆ ενθῶρωπου μορφῆν εῆ, κόνιζον, τῆ δῆ ῆλλα μέρη κινούμενα καῆ ζῆντα. — Если же, далѣе, авторъ говоритъ, что онъ не видитъ «необходимости» допустить, чтобы въ нашу вторую редакцію новыя имена приближенныхъ Александра (Селевкій, Филиппъ, Димитрій, Антигонъ) попали не изъ Александрии (особой редакціи), а изъ хроникъ Амартола и Малаы (какъ это дѣлаю я), то въ этомъ случаѣ наши шансы равны. Если бы мы имѣли цѣлый рядъ случаевъ совпаденія нашей второй редакціи съ греческимъ кодексомъ С и ни одного совпаденія съ хрониками, то пожалуй и на данный случай можно бы смотрѣть подобно Шахматову. Если же мы не имѣемъ случаевъ такого яснаго совпаденія съ кодексомъ С, а изъ хроникъ, по крайней мѣрѣ изъ хроники Амартола, заимствованія не подлежатъ никакому сомнѣнію (объ этомъ далѣе), то и я съ такимъ же правомъ – я дѣлаю даже уступку:

не говоря – съ гораздо большим – могу сказать, что «не вижу необходимости допустить» заимствование из Александрии особой редакцией.

Итак, и совпадения с кодексом С несколько не подтверждают существование особого перевода Александрии, в которой были бы указанные особенности.

На стр. 19 автор касается соотношения славянского перевода с 2-й греческой редакцией (ред. Б., код. В') и придает особенное значение тому указанному мною факту, что славянский перевод не от слова до слова соответствует кодексу В, но немало мѣсть, гдѣ онъ совпадает и с другими кодексами, а иногда славянский перевод не соответствует ни одному из изданных четырех кодексов – А, В, С, L. Отсюда автор дѣлает такое заключение: «На вопросъ, имѣем ли мы право возстановлять на основаніи славянского перевода Александрии такой греческой оригиналь, который совмѣщаль бы всѣ его многочисленныя особенности, думаю, должно отвѣтить отрицательно». Такое сомнѣние является напраснымъ. Каждый, кто имѣет дѣло съ греческими рукописями и ихъ славянскими переводами, хорошо знаетъ, что и греческіе списки представляют такое же разнообразіе въ вариантахъ, какъ и славянскіе, даже, пожалуй, больше, и это разнообразіе въ вариантахъ всегда отражается въ переводѣ. Когда какого либо памятника намъ извѣстно большое число списковъ, тамъ мы почти всегда находимъ полное соответствіе перевода оригиналу, при чемъ для послѣдняго приходится выбирать изъ всѣхъ списковъ соответствующія чтенія. Такимъ путемъ мною могло быть доказано существование двухъ буквальныхъ переводовъ Первоевангелія Іакова. Въ большинствѣ случаевъ мы все-таки и среди большого количества греческихъ списковъ не находимъ такого, который вполне бы соответствовалъ славянскому переводу, но – и это насъ не смутитъ; это покажетъ только то, что намъ пока еще неизвѣстенъ, по что былъ такой именно списокъ со всѣми указываемыми особенностями. Особенно въ этомъ нѣтъ никакой нужды сомнѣваться, если изъ всего характера перевода видимъ, что переводчикъ переводилъ буквально, слѣдуя слово за словомъ греческому тексту, что и имѣло какъ разъ мѣсто съ Александріей, ибо анализъ перевода привелъ меня къ выводу, что «переводчикъ перевелъ буквально, слово за словомъ, не поправляя ошибокъ греческаго текста и впадая самъ въ ошибки» (изсл. 138). — Помимо всего этого, я вижу здѣсь непоследовательность. Шахматовъ не боится на основаніи славянскаго текста (2-й ред. Александрии) возстановить такой греческой оригиналь, подобнаго которому нѣтъ и слѣда въ извѣстныхъ намъ греческихъ, а тутъ не соглашается признать существованіе такого, который отличался бы отъ другихъ въ очень ничтожныхъ случаяхъ.

Но согласимся на минуту съ авторомъ. Тогда мы должны признать, что тѣ особенности, которыя отличаютъ славянский переводъ (1-й ред.) отъ извѣстныхъ греческихъ, не могутъ восходить къ греческому оригиналу, но взяты въ него изъ другой особенной Александрии, на существованіи которой Шахматовъ такъ настаиваетъ. Спрашивается — откуда же попали въ эту послѣднюю Александрию эти особенности? Очевидно, изъ какого-то греческаго оригинала. Если такъ, то почему же они не могли существовать въ томъ списокѣ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ? Шансы для того и другого одинаковы. Но допустимъ, что и тутъ Шахматовъ былъ бы правъ. Тогда мы должны допустить такой процессъ, для признанія котораго нужно имѣть очень большое воображеніе. Нужно представить себѣ, что какой-нибудь читатель, сравнивая два текста Александрии строка за строкой, выдѣляя самыя мелчайшія отличія второго текста отъ перваго и внося ихъ въ послѣдній, или же помѣщаль на поляхъ, откуда они вносились въ текстъ впоследствии. Но изъ сличенія, сдѣланнаго мною на стр. 97-109, видно, что въ громадномъ количествѣ случаевъ эти особенности были весьма незначительны, вслѣдствіе чего совершенно непонятно становится, зачѣмъ нужно было продѣлывать кому-либо указанную работу, и непонятнымъ также остается и самый способъ ея.

Однимъ словомъ, взгляды Шахматова ни съ какой стороны не могутъ быть приняты. Но и факты не подтверждаютъ его. Добавленіе второй редакціи о взятіи Фивъ (I, 46), несомнѣнно, составлено самимъ авторомъ редакціи на основаніи разсказа въ I, 27, составлено при этомъ неумѣло, ибо послѣ того какъ было сказано, что «Александръ же съ другою тыс-цею, с порогами, и съ сулицами хождааше», опять говорится про Александра — «самъ же Александръ съ хробрѣми пѣшь приступи къ вратомъ дрНѣгѣмъ и взимае граD». Что городъ былъ взятъ и раскопанъ (Александръ же раскопавши граD), редакторъ зпалъ изъ I, 27, гдѣ читается — «плинь же граD, црѣГъ и раскопа весь». Что касается до вставки въ I, 35 о вхожденіи Александра въ Іерусалимъ, то я привелъ въ изслѣдованіи всѣ данныя въ доказательство того, что этотъ эпизодъ попалъ уже въ готовый переводъ. Въ виду того, что во второй редакціи этотъ эпизодъ помѣщенъ нѣсколько раньше, въ I, 33, Шахматовъ говоритъ, что «можно допустить существованіе еще третьяго источника въ видѣ особой Александрии»

Comment [AT4]: От забележителите на Истрин личи обаче, че това не са съществени грешки и преводачѣт, дори и да ги е забележал, се придържа към това, което счита за оригинал.

Comment [AT5]: Разбира се това е глупост, още повече, че така нареченият „руски преводач“, а в действителност преписвач на преработения в XII век от руски „редактор“ български текст, има работа с текст, който вече значително се различава от гръцкия оригинал и за който, напълно естествено, не може да се открие гръцки паралел – такъв гръцки паралел няма да може Истрин да открие и за много места в „руските преводи“ на Амартол, което става и негов най-голям проблем в изследването му, на което той ще посвети следващите 2 и половина десетилетия.

Comment [AT6]: Те наистина са взети „из другой особенной Александрии“, но тя не е никакъв гръцки вариант на гръцкия оригинал, а е руска преработка на българския превод, правена от руския (или гръцкия „редактор“ обаче без да се използва гръцкия оригинал, защото такъв оригинал не е имало в Русия в началото на XII век. Същото важи и за руския „превод“ на Амартол. Въпросът обаче е дали в края на работата на Истрин ще разбере това – в своето изследване за превода на Амартол и неговите варианти той няма да го отбележи и туй обстоятелство ще продължи и досега да заблуждава чуждите изследователи, търсещи „неизвестния вариант“ от текста на Амартол.

Comment [AT7]: Истрин продължава да се върти в кръг все на същото място – и ще се върти още 3 десетилетия в плен на своя великоурски патриотизъм, чак докато започнат разследванията по процеса срещу славистите в 1930 г., когато и той ще бъде привлечен към него, но ще му провърви („повезло“) и ще го освободят без да го съдят – за съжаление опубликуваните материали по процеса (само 250 страници от 11 тома протоколи!) не позволяват да се види нито в какво е бил обвинен, нито кой се е застъпил за освободеното му.

Comment [AT8]: Съвършено верно! За да се допусне тази версия за съществуването в Русия на разни гръцки и руски варианти от Александрията и нужна твърде богата фантазия – каквато явно не е липсвала нито на Шахматов, нито на Истрин. И как ще се намери такъв гръцки „оригинал“, след като компилацията на текстовете е правена в България и още при нея гръцкият текст се адаптира от компилатора, за когото знаем, че е бил Григорий, на места със значителна свобода. А това обяснява в посмъртно издаденото си изследване още Оболенски, и то четвърт век преди да започне спорът между Шахматов и ...

Comment [AT9]: Именно!

Comment [AT10]: Ето, че за тази конструкция вече не стигат два разни прототипа, та трябва да се привлече и въображаем трети! Следват коментарите на Истрин по този въпрос, които също не са по-разумни.

(стр. 20). Но как же он попал в последнюю? Очевидно, тоже из готового перевода. Если так, то этим самым нарушается основное представление об особой Александрии, как такой, которая всё особенности получала из греческого оригинала. Настоящий случай будет этому противоречить, но об этом будет речь послѣ. Что же доказывает различное мѣсто эпизода в обѣих редакціях? Ничего. И при взглядѣ Шахматова мы должны признать, что какая-то редакція его поставила не туда, гдѣ онъ былъ въ ея оригиналѣ, который, очевидно, подвергался переработкѣ, и слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія оригиналомъ могла быть съ такимъ же правомъ и первая редакція.

Я могу теперь сказать гораздо больше. Въ Академіи Наукъ находится въ настоящее время особый хронографъ, XV вѣка, вполне соответствующій Уваровскому хронографу № 3 (18). Въ немъ находится, между прочимъ, стоящая отдѣльно Александрія первой редакціи, и въ ней Иерусалимскій эпизодъ помѣщенъ еще раньше, въ I, 30. Отсюда слѣдуетъ, что этотъ эпизодъ уже въ одномъ изъ списковъ 1-й редакціи, повидимому, былъ тамъ, гдѣ его помѣщаетъ 2-я редакція. Также перестановка могла объясняться тѣмъ, что эпизодъ этотъ не связанъ ничѣмъ съ общимъ ходомъ разсказа.

То же самое нужно сказать и относительно статьи Палладія. Къ тому, что было сказано мною въ изслѣдованіи, я могу прибавить только немного. Слова автора, что въ первомъ видѣ Еллинскаго Лѣтописца «эта статья занимаетъ совершенно не подобающее ей мѣсто», могутъ быть приняты лишь съ ограниченіемъ: статья стоитъ совершенно отдѣльно и является какъ вторичное, параллельное повѣствованіе объ Александрѣ: оба разсказа стоятъ рядомъ, независимо другъ отъ друга, а это обстоятельство вмѣстѣ съ другими, указанными мною въ изслѣдованіи, и доказываютъ, что въ первой редакціи Александрии ея не было. Послѣдующій редакторъ помѣстилъ ее тамъ, гдѣ она должна была находиться, т. е. при разсказѣ Псевдокаллисфена о посѣщеніи Рахманъ Александромъ. Совпаденіе съ А Псевдокаллисфена не можетъ удивлять, ибо не много нужно было для редактора соображенія, чтобы помѣстить статью Палладія послѣ III, 6. Отсюда она перешла въ В...іој 'Alex&ndrou. Въ упомянутой Александрии хронографа Академіи Наукъ статья Палладія совсѣмъ замѣнила собой соответствующія главы Псевдокаллисфена. Намъ остается пока невзвѣстнымъ, кто дополнилъ ее другими статьями, хотя я, на основаніи общаго характера второй редакціи Александрии, и думаю, что здѣсь участвовала рука одного редактора: кто помѣстилъ статью послѣ III, 4, тотъ и распространялъ ее и другими статьями. Дальнѣйшее утвержденіе автора, что вторая редакція, «сливъ Палладіеву статью съ текстомъ Александрии, руководствовалась готовою редакціей Александрии, гдѣ уже было сдѣлано такое соединеніе» (стр. 20), повидимому, надо понимать такъ, что соединеніе произошло на греческой почвѣ, и статья Палладія явилась вмѣстѣ съ общимъ переводомъ Александрии: но уже самое существованіе статьи Палладія въ отдѣльномъ видѣ, независимо отъ Александрии, говоритъ противъ этого положенія. Но даже, въ чемъ выразилось тутъ руководство? И кто ее распространялъ вставки, если и онѣ не были также въ греческомъ оригиналѣ? Очевидно, тотъ, кто составлялъ вообще вторую редакцію Александрии: но – авторъ отрицаетъ за нимъ какое бы-то ни было пользованіе чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ какой-то особой Александрии. Если же такъ, то этимъ самымъ нарушается общее представленіе о характерѣ работы надъ второй редакціей, и каждый можетъ спросить, почему тотъ же редакторъ не могъ продѣлать того же самаго и въ другихъ случаяхъ. Нужно принять во вниманіе особенно то, что вставки въ статью Палладія взяты уже изъ славянскихъ источниковъ. – Однимъ словомъ, при представленіи особой какой-то Александрии мы всякій разъ запутываемся въ противорѣчій, и, наоборотъ, становится все яснѣе и понятнѣе, какъ только оставимъ о ней мысль.

Остается теперь самое главное. Я уже приводилъ слова Шахматова, что «вторая редакція, положивъ въ основаніе тотъ же переводъ (т. е. что въ первой редакціи), значительно дополняла его вставками, крупными и мелкими» (стр. 27). Тотъ, кто это утверждаетъ, долженъ прежде всего опредѣленно высказать, какого рода текстъ представляютъ намъ эти вставки – особый ли переводъ или тотъ же, что и въ тѣхъ памятникахъ, изъ которыхъ отрывки они представляютъ. Если совершенно особый, то еще кое-какъ, съ разными натяжками, при условіи отсутствія другихъ отрицательныхъ данныхъ, можно бы признавать положеніе автора. Однако, послѣдній этого не утверждаетъ и, конечно, не будетъ утверждать, такъ какъ у меня доказано въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія, что вставки взяты изъ готового перевода, частію буквально, частію въ перефразировкѣ и сокращеніи, но такъ, что можно замѣтить текстуальную связь съ славянскимъ оригиналомъ. Повторять мнѣ нѣтъ нужды. Въ такомъ случаѣ, если станемъ на точку зрѣнія Шахматова, мы должны предполагать два исхода. Во первыхъ, надо полагать, что второй переводчикъ, переводя греческій оригиналъ, оставлялъ его всякій разъ, когда встрѣчалъ лишнее противъ первого

Comment [AT11]: Интересно какъ ли е този „славянски“ източник? Да не би да е моравски?

Comment [AT12]: Именно!

перевода, и обращался к соответствующим местам в славянском переводе памятника, и соответствующие места вставлял в свой труд, а затем уже автор теперешней второй редакции переносил их в текст первого перевода. Но эта такая сложная махинация, которая в применении не к одному какому-нибудь отрывку, но к целому ряду, должна быть признана совершенно невозможной, не говоря уже о том, что она требовала бы такого обширного познания в литературе, которого не допускает сам автор. – Во вторых, можно представлять себе дело так, что второй переводчик перевел свой оригинал весь целиком, но автор теперешней второй редакции, сличая два перевода, всякий раз, когда во втором переводе встречал лишнее против первого, не пользовался этими дополнениями, но подыскивал соответствующие места в готовых источниках, иначе – второй перевод какой-то особой Александрии служил ему схемой, а материалом – первый перевод и наличная **славянская литература**. Но это будет то же самое, что и я доказывал: лишним будет лишь совершенно ненужное построение. – **Вне этих двух возможностей не может быть придумано никакое объяснение. Не поможет несколько предположение «маргинальных примечаний и руководящих ссылок».** Трудно даже понять, что разумел автор под теми и другими и каким образом автор представлял себе дело. Пусть он укажет хоть одну старую рукопись, в которой были бы хоть какие-нибудь следы подобных «маргинальных примечаний и руководящих ссылок». Нужно при этом иметь в виду, что такими примечаниями и ссылками поля рукописи в данном случае должны были быть совершенно испещрены; но даже больше – о «маргинальных примечаниях» не может быть и речи, так как при уставном письме X века, при употреблении пергамента, когда не могли оставаться большие поля, не было никакой возможности вставить на них те обширные вставки, которые встречаются во второй редакции. Удовольствоваться же признанием существования только массы ссылок можно лишь при решимости приравнять книжника X в. к современному ученому, который испещряет поля читаемой книги массой ссылок. Не отрицая безусловно возможности существования такого рода книжника, я желал бы, чтобы оно являлось как вывод из исследования, а не как исходный пункт для послыдания.

Таким образом, и фактическая сторона свидетельствует за то, что автор второй редакции Александрии просто на просто взял первоначальный текст, осложнившийся лишь иерусалимским эпизодом, и подвергнул его переработке на основании уже готового материала.

Нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. Большинство дополнений второй редакции Александрии взято из таких **памятников**, которые или, несомненно, относятся к Симеоновской эпохе, или могут быть к ней отнесены, последние – на том основании, что у нас пока **нет данных против такого приурочения**. Следовательно, с этой стороны, эти вставки могли бы и не противоречить существованию особой редакции Александрии в Болгарской Энциклопедии X века, – а только такую Александрию мы и должны признавать, становясь на минуту на точку зрения Шахматова. Но не говоря о том, что вторая редакция Александрии воспользовалась Пчелой, **раннее происхождение которой сильно подозревается**, не говоря об этом, важно обратить внимание на Сказание об Индийском Царстве, вошедшее во вторую редакцию Александрии в довольно значительном количестве. В исследовании об Александрии я не касался этого памятника, посвятив ему особое исследование (Труды славян. комм. Моск. Археол. Общ. т. I). В последнем я доказал, что Сказание должно сопоставляться с такими памятниками, как Троянская Притча, Повесть о Тристане и **Изотге**, и вместе с ними относится к XIII-XIV вв. Действительно, Сказание об Индийском царстве не могло принадлежать первоначальному переводу Александрии X века, так как оно переведено, как мною доказано, с латинского языка, и в способе перевода стоит отдельно от переводов с греческого. На тех же основаниях оно не могло находиться, хотя бы и отдельно от Александрии, в предполагаемой Болгарской Энциклопедии X века. Следовательно, мы должны признать, что вторая редакция Александрии не могла явиться в том виде, в каком мы ее имеем, раньше XIII-XIV вв... Так как Сказание не могло быть в Болгарской Энциклопедии, то отсюда следует, что автор Александрии воспользовался им в отдельном виде; а так как способ пользования им тот же, что и другими памятниками, то отсюда следует то, **что и другие вставки сделаны тогда же и теми же лицами**, что и из Сказания; а так как все другие факты, с своей стороны, не только не вызывают необходимости признавать существование особого перевода особой редакции Александрии, но прямо говорят против этого, то отсюда следует один вывод, а именно, что вторая редакция Александрии явилась из первой при помощи осложнений в период XIII-XIV в. (XV век есть уже списки), и притом на Руси, во первых потому, что все памят-

Comment [AT13]: Защо ще се говори за „памятники“, и при това като предположение, след като е имало с положителност **един** паметник – сборника на Григорий!

Comment [AT14]: Но наследниците на Истрия ще се постараят да опровергнат това негово твърдение, обосновавайки се с неговите „исследования“

Comment [AT15]: „Сильно подозревается“ – а „Оглавlenието“ на сборника на Григорий?

Comment [AT16]: sic!

Comment [AT17]: Откъде накъде такива обобщения? С какво може да се докажат?

ники, послужившіе для ея заполнения, известны в русских текстах, во вторых, потому, что Пчела, предположительно, явилась на Руси XIII-XIV в., и в третьих потому, что за то же говорит и Сказание об Индийском Царстве.

Не могут иметь существенного значения и ссылки на Ипатьевскую летопись и Послание Климента Смолятича. Эпизод, о котором говорит Ипатьевская летопись под 1100 годом, не характерен для Александрии. Сказание о входе Александра в Иерусалим редакторам летописных сборников было известно не только из Александрии, но и из хронистов; кроме Георгия Амартола такое же описание находим напр. у Иосифа Флавия. Откуда собственно попал этот отрывок в Ипатьевскую Летопись, пока я не знаю, но что не из «второй, до нас не дошедшей, переводной Александрии» (стр. 29), это можно доказывать словами же Шахматова, что в этой второй редакции Иерусалимский эпизод был тот, который мы имеем в первой редакции (стр. 20), т. е. взятый из хроники Георгия Амартола. Не предполагает же автор, что во второй переводной Александрии были рядом два однородных рассказа! Таким образом, Ипатьевское сказание нам не надо нужды сблизать с Александрией. Еще меньше на основании Летописца Переяславля Суздальского мы можем говорить о сокращенной передаче «некоторых эпизодов из Александрии» (ibid. прим. 1). Продолжение Летописца Переяславля Суздальского и должно рассматриваться как продолжение, как позднейшая прибавка к Иерусалимскому эпизоду, во первых потому, что она совершенно не имеет значения для той цели, для которой Иерусалимский эпизод вставлен в летопись (для доказательства, что и «погаными» может руководить ангел), а во вторых потому, что она принадлежит к другому литературному роду, именно к тем ходячим изречениям, о которых была речь выше под именем λόγος 'Αλεξάνδρου и которые входили в Пчелы и в подобные памятники. Подобный анекдот мы встречаем и в нашей Пчелы (хотя я не ставлю в связь непременно с ней) в таком виде: Александр. Се в плънены [Александром] и Дарьевоу дщерь имъ (α, χαλώτου; λαβὲν τῆς Δαρείου θυγατέρας) и др. Нежина вел-х. Нетъ - м. Не питис- сь нею изр-дн. Гя красоты - я ради, и рес Алексаидр: срамъ - стъ на. Н. Удольскимъ м. Не же. Н. много. Г. м. а. н. н. § жен. Побезен. Не. б. Г. Г. (Семенов, Древняя русская Пчела, стр. 34, в Сборник Отд. русск. яз. Ак. Наукъ 54).

Не надо никаких осязательных оснований под «еллинскими писаниями» Климента Смолятича разуметь Еллинский Летописецъ, и мне такой вывод несколько «самъ собой не напрашивается». Такъ какъ Еллинскаго Летописца в томъ виде, какъ его представляет автор, и не было (см. ниже), то под «еллинскаго писания» разумются только еллинскія писания и ничего больше: они существовали и независимо отъ Александрии.

Я не вижу нужды останавливаться на редакции Александрии по III виду Еллинскаго Летописца т. е. по спискамъ Ундольск. 1 и Троицк. 728, такъ какъ и тутъ все дѣло заключается во взаимномъ сближеніи двухъ Александрій, в маргинальныхъ отѣткахъ къ тексту пераго перевода Александрии, в различныхъ ссылкахъ и указаніяхъ на текстъ второго перевода, вставленныхъ въ текстъ пераго перевода (стр. 28), о чемъ уже было такъ много говорено выше. Я долженъ, впрочемъ, сказать, что по существу между нами не рѣзкаго различія в данномъ случаѣ. Какъ я призналъ Александрию Ундольскаго № 1 смѣшанной редакціей, такъ такую же признаетъ ее и Шахматовъ. Если же авторъ говоритъ, что «составителю III вида пришлось работать подъ такимъ экземпляромъ Еллинскаго Летописца, который легъ въ основаніе и II вида этого летописца», то это значитъ, что его редакторъ сначала переписывалъ вторую редакцію, какъ бы она ни составлялась, а затѣмъ перешелъ къ первой, которая должна была существовать в этомъ особомъ экземплярѣ Еллинскаго Летописца – ибо откуда же явилась бы вторая редакція Александрии (II видъ Елл. Лѣт.)? А это то же самое, что говорилъ и я. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о составѣ и происхожденіи всего сборника Ундольскаго № 1-й, я долженъ настаивать только на томъ, что помѣщенная въ немъ Александрія нисколько не указываетъ на особый переводъ Александрии, и ея редакція нисколько не стоитъ въ связи съ тѣмъ, что будто бы «предположеніе о пользованіи составителемъ III вида двумя редакціями Еллинскаго летописца представляется невѣроятнымъ» (стр. 27). И то обстоятельство, «что мѣстами Александрія Унд. списка подробнѣе второй редакціи Александрии» (стр. 28, прим.), нисколько не противорѣчитъ тому, что она составлена на основаніи послѣдней.

Подробности обнаруживаются не въ особыхъ эпизодахъ, а въ случайныхъ пропускахъ, которые никого, конечно, не удивятъ и которые объясняются, конечно, тѣмъ, что списокъ Александрии, легшій въ основаіе Еллинскаго Летописца, допустилъ ничтожные пропуски, которыхъ не было въ списокѣ Ундольскаго. Такъ напр. добавленіе, касающееся дочери царя Фола – и посла въ вой и Германіка сво-го на море в кораблехъ, по-тъ ю за с- по повелінію Фола црѣ- (мое изд. 152) — восходитъ къ тому же тексту Мефодія Патарскаго, гдѣ читаемъ: Визъ посла

Comment [AT18]: Вж. малко по-горе – Леонид доказва обстойно наличието на „Пчела“ в сборника на Григорий, откъдето тази „Пчела“ се е разхвърчала.

Comment [AT19]: Че откъде другале ще попадне, ако не от осакатения сборник на Григорий. Защо ще смесва нези части от сборника с посланието на Климент Смолятич – напълно ясно е, че едните и другите имат различен произход, но като прибави към българските текстове Климент Смолятич ще каже: „Ето, тези откъси (прибавки) всички идват късно и са в руска редакція“.

по мору къ Фол № цр҃҃у Е»иопьскому Германика воеводу .... и взе Виза цр҃҃ъ дьщерь Фола цр҃҃а Е»иопьскаго въ женоу себи (мое изслѣд. объ Откр. Меф., изд. стр. 107). Нисколько не удивительно, что въ спискахъ Еллинскихъ Лѣтописцевъ (I и II вида) встрѣчаются ничтожные пропуски, какъ, съ другой стороны, и въ Троицкомъ спискѣ встрѣчаются такіе же пропуски. Ни одинъ списокъ не застрахованъ отъ этого.

Остается сказать нѣсколько словъ объ Александріи Синод. списка № 154, который я призналъ за переходную ступень отъ первой редакціи ко второй, но которую Шахматовъ находитъ болѣе вѣроятнымъ признать такой же смѣшанной редакціей, какъ первая и вторая: «редакторъ Синод. сп. № 154 или его оригинала поступилъ такъ же, какъ составитель второй редакціи, но совершенно независимо отъ него» (стр. 27). Главное основаніе для невозможности принять мой взглядъ на эту Александрію Шахматовъ находитъ въ моей же характеристикѣ второй редакціи Александріи, о чемъ я уже говорилъ выше. Стоитъ мнѣ только поступиться такой характеристикой, что я и сдѣлалъ выше, какъ основаніе автора слѣд. падеть. Я уже сказалъ, что пользование со стороны нѣсколькихъ послѣдовательныхъ редакторовъ одними и тѣми же источниками при обработкѣ одного и того же памятника не должно считаться чѣмъ-то исключительнымъ. Признавая такой способъ литературной работы не только принципиально возможнымъ, но и подтвержденнымъ примѣрами, я нѣсколько видоизмѣнилъ свой взглядъ на Александрію Синод. № 154, оставаясь, однако, въ основаніи при старомъ мнѣніи. Она также и теперь для меня является среднимъ типомъ между первой и второй редакціями, но я думаю, что ея оригиналъ (самъ списокъ Синод. № 154 представляеть сокращеніе) есть ничто иное, какъ черновая работа того редактора, который въ результатѣ далъ намъ Александрію второй редакціи. Подтвержденіе я вижу въ указанномъ мною фактѣ, что повѣствованія объ испытаніи глубины земной и высоты небесной въ Синод. № 154 помѣщены въ видѣ приписокъ въ концѣ, а во второй редакціи они уже вставлены въ самый рассказъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что редакторъ не сразу изъ первой редакціи сдѣлалъ вторую, но передѣлывалъ нѣ-сколько разъ, и понятно, поэтому, что и способъ передѣлки былъ у него все время одинъ и тотъ же, какъ и самый матеріалъ, на основаніи котораго онъ передѣлывалъ, былъ тотъ же. Понятно, что по духу оригиналъ Синод. № 154 и не долженъ отличаться отъ Александріи Еллинскаго Лѣтописца. Та и другая Александріи и по времени сближаются между собой: объ составлены въ промежутокъ между появленіемъ Сказанія объ Индѣйскомъ Царствѣ и Сербской Александріи: послѣдней нѣтъ ни въ той ни другой. Поэтому, мнѣ теперь представляется болѣе вѣроятнымъ, что между первой и второй редакціями было только одно посредствующее звено, Синод. № 154, принадлежащее тому же автору, а не нѣсколько, принадлежащихъ различнымъ авторамъ: для признанія послѣднихъ слишкомъ мало времени. Никакихъ же самосто-ятельныхъ слѣдствъ существованія особой Александріи Синод. № 154 не даетъ.

Итакъ, чтобы оправдать свое предположеніе о болгарской энциклопедіи X вѣка (см. ниже), Шахматову пришлось не только избобрѣсти особый переводъ особой греческой Александріи, но и допустить необыкновенно произвольное построеніе. Оказывается, что три редактора, имѣя передъ собой два текста Александріи, изъ которыхъ одинъ былъ испещренъ дополненіями и маргинальными замѣтками изъ второго, – всѣ три независимо другъ отъ друга, продѣлываютъ одинаковую работу: берутъ одинъ переводъ Александріи, кладутъ его въ основаніе и дополняютъ вставками изъ второго перевода, часто замѣняя старый текстъ новымъ, но всѣ трое одинаковымъ, и никому изъ нихъ не придетъ въ голову, что проще взять прямо второй переводъ, чѣмъ такимъ сложнымъ способомъ дѣлать ему подобный. Авторъ не хочетъ допустить ничтожнаго случайнаго совпаденія въ отдѣль-ныхъ случаяхъ между второй редакціей Александріи и подобными же Historia de proeliis, Βίος Αλεξάνδρου и въ то же время допускаетъ нѣсколько удивительное единодушіе и совпаденіе при обработкѣ славянскихъ Александрій!

Состава и происхожденія Еллинскаго Лѣтописца въ его различныхъ видахъ я коснусь въ ближайшемъ будущемъ, а теперь замѣчу лишь, что мы не можемъ ставить послѣдніе въ ту взаимную связь, которая предположена Шахматовымъ, не можемъ потому, что исторія Александріи, на которой построилъ авторъ свою исторію Еллинскаго Лѣтописца, должна представляться совершенно иначе, нежели ее представилъ авторъ. Александрія не должна неразрывно соединяться съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, такъ какъ она имѣла и свою исторію, независимую отъ послѣдняго. Въ своемъ изслѣдованіи я заключилъ, что Александрія, въ извѣстный періодъ соединившись съ хроникой Малалы, продолжала сохраняться и въ отдѣльномъ видѣ, и въ послѣдствіи преобразовалась во вторую редакцію, которая авторомъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца взята какъ источникъ на ряду съ другими. Я и теперь не вижу основанія отказываться отъ такого заключенія, причемъ я прибавлю, что для насъ въ этомъ случаѣ совершенно безразлично, вышла ли вторая редакція Еллинскаго

Comment [AT20]: Напълно погрешно следствие: съществуването на Българска енциклопедия не потвърждава наличието на 2 превода на Александрията, а напротив, отрича тяхната наличност. Имало е един превод, който е съществено обработван и преработван многократно, и то без да се ползва гръцкия оригинал. Оттук идват и всички недоразумения и хипотези за 2, 3 и дори 4 различни преводи. Дори когато последните в поредицата „редактори“ правят своите „редакционни“ поправки, те нямат на разположение никакъв гръцки оригинал, а явно и не знаят гръцки, след като подминават някои грешки на предшните „редактори“ и кописти, без да ги поправят и даже разберат.

Comment [AT21]: Няма никакъв втори превод, а повече или по-малко съкратена и порусена версия на българския превод и работата на следващите „редактори“ е да сравняват и допълват от себе си някои места от текста, като използват за тази цел и варианти от текста на други техни предшественици.

Comment [AT22]: Ето, следователно, какво представляват т. нар. „славянски Александрии“

Comment [AT23]: Това „близайшее будущее“ става четвърт век, след който даже дотогава свършената работа от Истрин съвсем не заслужава названието „научен труд“ – това е колосален черен рибски труд, при който са издирени и преписани, след това набрани, коригирани и напечатани всички ръкописни варианти от изопачения и обржкан още при първата му „обработка“ от руските полуграмотни „книжовници“ български превод от Хрониката на Георги Амартол.

Comment [AT24]: Откога? – След като разкъсват сборника на Григорий!

Лѣтописца изъ первой или обѣ редакціи восходятъ къ одной предшествующей. Основанія я долженъ привести тѣ же: 1) существованіе списка Синод. № 154, который есть ничто иное, какъ черновая предварительная обработка первой редакціи, совершенная тѣмъ же авторомъ, который далъ намъ вторую редакцію Александріи и 2) совершенно иной характеръ обработки Александріи, съ одной стороны, и всѣхъ прочихъ памятниковъ, вошедшихъ въ Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи, съ другой.

Все разсужденіе Шахматова велось къ тому, чтобы доказать существованіе Болгарской энциклопедіи X вѣка. На стр. 18 онъ предвидѣлъ такого рода возраженіе: «могъ ли одинъ памятникъ совмѣщать подѣ однимъ переплетомъ и библейскія книги и хронику Малалы, и хронику Амартола, и Толкованія Ипполита на книгу Даніила и многія другія статьи и отрывки»? И тутъ же отвѣчаетъ – «думаемъ, что изученіе дошедшихъ изводовъ Еллинскаго Лѣтописца заставляетъ утвердительно отвѣтить на эти вопросы», а на стр. 32 указываетъ уже и составъ этой энциклопедіи. Вотъ онъ: 1) Отдѣлъ ветхозавѣтныхъ книгъ; онъ заключалъ въ себѣ Пятикнижіе Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руувъ, Тетровасиліонъ, Есеиръ, а изъ пророцескихъ книгъ: Пѣсни Пѣсней съ толкованіемъ, Еклезіастъ съ толкованіемъ, Притчи Соломона, отрывки изъ премудрости Соломона, книгу пророка Даніила съ толкованіями Ипполита. 2) Хроника Іоанна Антиохійскаго Малалы. 3) Хроника Георгія Амартола. 4) Александрія въ переводѣ, близкомъ ко второй греческой редакціи. 5) Александрія въ другомъ переводѣ по редакціи значительно обособленной. 6) Статья Палладія о Рахманахъ. 7) Дѣянія апостоловъ Петра и Павла, сказаніе о созданіи церкви св. Софіи въ Константинополѣ, сказаніе о рожденіи Константина Великаго и о нѣкоторыхъ еобытіяхъ его царствованія, апокрифъ о Іереміи пророкѣ и Варухѣ и нѣк. др. Далѣе, въ ту же энциклопедію входилъ Изборникъ Святослава 1073 г.

Нужно прежде всего обратить вниманіе на самое названіе «энциклопедіи», которое въ послѣднее время слишкомъ часто стало примѣняться къ различнымъ памятникамъ славянорусской литературы, что можетъ подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Изобрѣтателю «энциклопедій» слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что говоритъ г. Прѣсняковъ въ Запѣтъ о лицевыхъ лѣтописяхъ (Изв. отд. русск. яз. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 4-я (1901 г.) стр. 295-296), по поводу названія «московской исторической энциклопедіи», впервые приложенной къ извѣстному историческому сборнику В. Н. Щепкинымъ. «Выраженіе энциклопедія – говоритъ г. Прѣсняковъ – хотя бы и съ добавкой «историческая» – неудачно. Н. П. Кондаковъ указалъ мнѣ, что слово это имѣетъ слишкомъ опредѣленное значеніе въ исторіи средневѣковой литературы, чтобы примѣнять его къ нашему памятнику». То же должно сказать и относительно «Болгарской энциклопедіи». Но даже если мы подѣ «энциклопедіей» стали бы разумѣть и другого рода сборники, ничего общаго съ опредѣленной средневѣковой энциклопедіей не имѣющие, то и тогда «Болгарская энциклопедія» останется совершенно непонятной. Независимо отъ какого бы то ни было содержанія, названіе «энциклопедіи» можетъ быть придаваемо только такому собранію, которое объединяется опредѣленнымъ направленіемъ, и съ этой стороны еще можно бы примириться съ названіемъ нѣкоторыхъ памятниковъ «историческими энциклопедіями». Но «Болгарская энциклопедія» обнаруживаетъ намъ стремленіе «объединить въ формѣ одной обширной энциклопедіи почти всю переводную литературу» X вѣка (стр. 34), причемъ такая энциклопедія, въ противоположность тому, что было сказано раньше, уже «могла занимать тома три или четыре». Это хорошо еще, что она уже заключалась въ трехъ или четырехъ переплетахъ, а не въ одномъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ мы должны бы представлять ее въ родѣ «Голубиной книги», которая «въ длину сорока сажень, поперечины двадцати сажень... на рукахъ держать – не сдержатъ будетъ, на налой положить Божій – не уложится». Но мы можемъ сказать, что она съ такимъ же правомъ могла занимать томовъ пять, шесть и т. д. до нѣсколькихъ десятковъ. Въ результатѣ должно исчезнуть всякое представленіе о чѣмъ-то цѣльномъ: мы получаемъ рядъ книгъ, въ которыхъ помѣщается почти вся переводная литература, которая въ X вѣкѣ, конечно, не поражала своей громадностью. Вполнѣ возможно, что у нѣкоторыхъ лицъ, любителей литературы и наиболѣе состоятельныхъ, и стояли на полкѣ собранія такихъ книгъ, ничего между собой общаго, въ смыслѣ объединенія, не имѣющихъ. Но что тутъ энциклопедичнаго? Съ этой точки зрѣнія, всякое собраніе любителя рукописей будетъ «энциклопедіей», въ которой мы, безъ сомнѣнія, найдемъ нѣкоторые памятники въ двухъ переводахъ. Даже болѣе: всякое собраніе книгъ, стоящихъ на одной полкѣ, будетъ также энциклопедіей, а если ихъ владѣтель на основаніи ихъ составитъ свое сочиненіе, то будущій историкъ литературы едва ли поступитъ правильно, если, разбирая послѣднее, будетъ на основаніи его изображать существованіе «энциклопедіи». Поэтому, мы должны оставить всякую мысль о существованіи «болгарской энциклопедіи», если не согласимся напередъ, что это – фикція, придуманная ради

Comment [AT25]: Какво значи „черновая предварительная обработка первой редакції“ и защо е това жонглиране с понятия, за които Истрин явно няма представа не само какво означават, но и при какви случаи може да се употребяват? Та в сборника на Григорий първо не е имало „черновки“ или „полузвършени“ преводи или компилации, а той е представлявал завършено цяло, което руските „книжовници“, независимо по чие нареждане разкъсват и отчасти унищожават, а отчасти „обработват“ допълково, доколкото съзряват твърде скромните им възможности и познания. И така „създават“ „първа“, че „втора“, че „трета“ (та дори, според Шахматов, и четвърта „редакції“.

Comment [AT26]: Това е само част от състава на въпросната Българска енциклопедия, колкото туй название и да не се харесва на Истрин, защото в своя първоначален вид този сборник е съдържал и редица морално-нравствени трудове, а така също и един обширен летопис. А и т.нар. „Изборник Святослава 1073 года“ също не е механически сбор от разнообразни текстове със смесено съдържание, под който вид се води от съветските изследователи, а комплекс от текстове по разни богословски и практични въпроси, чието предназначение не е било да се постави на полицата от колекционера на книги, а да даде ...

Comment [AT27]: Какви са тези аналогии? Този сборник е бил много повече от „Историческа енциклопедия“, както Истрин иска да разбира названието, което му дава Шахматов, „Древнеболгарская энциклопедия X вѣка“. 10 години преди него Леонид нарича сборника „Християнска енциклопедия на X век“ и това название този сборник напълно заслужава – като се прибавят към него откъснатите му през XI век части.

Comment [AT28]: Названието „энциклопедия“ не съдържа в себе си думата „определено направление“, което Истрин му приписва. В този смисъл е и названието „энциклопедисти“, давано на известен кръг учени от XVIII век заради тяхната универсалност, а не за ограниченост в определена насока. Когато се употребява един terminus technicus трябва да се знае неговото всеобщо значение, а не да му се придава смисъл, какъвто на автора е изгоднo.

Comment [AT29]: Независимо от едрия унищанен шрифт, ръкописът на Григорий, въпреки огромния си обем, е могъл да се събере и в един том, но дори да бъде в два или три тома, те са били обединени от една обща идея. В този смисъл ироничните забележки на Истрин и сравненіето му с т. нар. „Голубина книга“ (вж. малко по-долу не са особено уместни. В случая не се касае за някаква фантастика, а за нещо напълно реално, а Истрин и неговите ...

Comment [AT30]: За съжаление такива лица започват да се появяват в Русия едва 9 столетия след съставянето на въпросния сборник.

удобства: тотъ, кто составлялъ Еллинскій Лѣтописецъ изъ разнообразныхъ источниковъ, разумѣется, долженъ былъ имѣть у себя на полкѣ въ трехъ или четырехъ, а можетъ быть и двадцати томахъ всѣ эти источники; но до «энциклопедіи» тутъ далеко. Еще менѣе можетъ быть рѣчи о переходѣ Симеоновской энциклопедіи на Русь въ XI вѣкѣ. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что большинство памятниковъ, перечисленныхъ Шахматовымъ, стало извѣстно на Руси въ XI вѣкѣ, но 1) вижу въ этомъ переходѣ лишь возможность, а не «увѣренность», и 2) нѣтъ нужды говорить о переходѣ «энциклопедіи». Если уже, по словамъ автора, энциклопедія могла занимать три-четыре тома, то тома эти могли переходить на Русь сами по себѣ, а не какъ составныя части энциклопедіи, не будучи связаны ничѣмъ между собой. Что же касается «неувѣренности» въ переходѣ всѣхъ памятниковъ на Русь въ XI вѣкѣ, то я долженъ остановиться на «возможныхъ» выводахъ автора, основанныхъ на «невозможныхъ» положеніяхъ.

Ходъ разсужденій автора таковъ: Архивскій сборникъ есть также особый видъ Еллинскаго Лѣтописца, составленный на основаніи болгарской энциклопедіи; въ оригиналѣ Архивскаго сборника находился извѣстный Изборникъ Святослава, слѣдовательно послѣдній былъ и въ болгарской энциклопедіи; Изборникъ Святослава извѣстенъ уже отъ 1073 года: слѣдовательно, вся Симеоновская энциклопедія — «съ увѣренностью можно сказать» — стала извѣстной на Руси уже въ XI вѣкѣ.

Никто не будетъ отрпцать, что Изборникъ Святослава есть Изборникъ Симеона, но такъ какъ существованіе энциклопедіи должно быть отвергнуто, то нѣтъ никакихъ оснований изъ появленія на Руси Святославова Изборника въ XI в. выводить появленіе въ томъ же вѣкѣ и энциклопедіи. Но если бы даже и признали на минуту существованіе такой энциклопедіи, то и тогда не могли бы приводить оба памятника въ непосредственную связь. Шахматовъ приводитъ въ связь Изборникъ Святослава съ болгарской энциклопедіей чрезъ оригиналъ Архивскаго сборника (по его терминологіи — IV видъ Еллинскаго Лѣтописца) на томъ основаніи, что изъ оглавленія, сохранившагося въ Архивскомъ сборникѣ, видно, что съ послѣднимъ когда-то былъ соединенъ Изборникъ Святослава, и указаніе на этотъ фактъ, дѣйствительно, составляетъ заслугу Шахматова. Но отсюда нельзя дѣлать тѣ выводы, которые дѣлаетъ авторъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о составѣ и происхожденіи Архивскаго сборника (IV видъ Елл. Лѣт.), я долженъ опять обратить вниманіе на то, что уже разъ было мною сказано, а именно, что Архивскій сборникъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, долженъ разсматриваться какъ нѣчто особое, безъ связи съ тѣми памятниками, которые были съ нимъ соединены. Въ этомъ особомъ совершенно видѣ онъ является намъ въ Виленскомъ списокѣ, который не можетъ разсматриваться какъ остатокъ раньше бывшаго болѣе полнаго сборника, какъ долженъ разсматриваться Архивскій сборникъ. Виленскій списокъ не можетъ считаться вынутымъ изъ болѣе полнаго сборника, такъ какъ мы не имѣемъ никакого слѣда этого. Наоборотъ, Архивскій списокъ является именно такимъ остаткомъ, такъ какъ онъ сохранилъ намъ то раздѣленіе на главы, которое было въ полномъ болѣе раннемъ сборникѣ и которое соотвѣтствуетъ сохранившемуся оглавленію. Съ другой стороны, сборникъ-оригиналъ Архивскаго и Виленскаго составлялъ особый цѣльный памятникъ, который, раньше чѣмъ въ видѣ Архивскаго вошелъ въ составъ болѣе полнаго, былъ раздѣленъ на свои главы, сохранившіяся въ обоихъ спискахъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ оснований изъ того обстоятельства, что когда-то, позднѣе 1262 г., былъ составленъ сборникъ, въ составъ котораго вошли 1) Архивскій хронографъ, 2) Пчела, 3) Изборникъ Святослава, 4) Никифоровъ Лѣтописецъ и 5) Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго — выводить, что въ «болгарской энциклопедіи» былъ Изборникъ Святослава: здѣсь нѣтъ совершенно точекъ соприкосновенія. Отсюда понятно, что и всѣ дальнѣйшіе выводы падаютъ самисобой. Руководясь методомъ иашего автора, мы можемъ всякій сборникъ, въ которомъ найдемъ памятники, бывшіе въ болгарской энциклопедіи, возводить къ этой послѣдней и называть его особымъ видомъ Еллинскаго Лѣтописца. Напр. сборникъ изъ собранія гр. Уварова № 3 (18) содержитъ: 1) библейскія книги до кн. Есфирь включительно, 2) хронику Юсифа Флавія и 3) Александрію. Первая и третья части были и въ болгарской энциклопедіи, а хроникой Юсифа Флавія могъ воспользоваться самостоятельно соединившій двѣ указанныя части, подобно тому какъ ею воспользовался самостоя-тельно, по словамъ автора, редакторъ IV вида Еллинскаго Лѣтописца (стр. 15-16). Но даже и хроникой Юсифа Флавія включить въ ту же болгарскую энциклопедію не представлялось бы невозможнымъ. Такимъ же особымъ видомъ Еллинскаго Лѣтописца, восходящимъ къ той же болгарской энциклопедіи, будетъ и Синод. сп. № 154, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ: 1) хронику Георгія Амартола, 2) хронику Юанна Малаалы и 3) Александрію — все это было въ Болгарской энциклопедіи, а кромѣ того, по словамъ же автора, Александрія этого списка представляется такой же смѣшанной редакціей, что и первая и вторая (стр. 27). Совершенно

Comment [AT31]: Это, че „почтения“ автор и тук се лъже! Не отрече ли Жуковска и това?

Comment [AT32]: Че това пише още Оболенски, а след него и архим. Леонид! Истрин толкова ли не познава научната литература или се прави, че не я познава?

Comment [AT33]: А защо? Защото преписвачът не се е потрудил да препише „оглавленіето“ на своя протограф?

Comment [AT34]: Каква логика! Жалко, че Истрин не доживя до 1950-те години, когато за такава логика щяха да му дадат сталинска награда. А вместо да му я присъдят, той дори не беше счетен за достатъчно заслужил за да бъде включен в „Большая советская энциклопедия“!

Comment [AT35]: Значи оказва се, че поне е държал в ръцете си четиритомното описание на сбирката на граф Уваров, издадено от архим. Леонид. А там е изложена голяма част от основанията за това, което той се мъчи да обори на последните страници на статията си.

остається поєтому непонятним, чому авторь этотъ историческій сборникъ не сдѣлалъ особымъ видомъ Еллинскаго Лѣтописца, что было бы вполне послѣдовательно. — Вообще я долженъ сказать, что слѣдуетъ осторожно обращаться съ дѣломъ воссоединенія древнихъ энциклопедій. Мнѣ пришлось уже разъ высказаться противъ такого стремленія строить энциклопедіи, къ которымъ бы возводились всѣ дошедшіе до насъ памятники или всѣ редакціи одного памятника (Къ вопросу о гадательныхъ псалтиряхъ, въ Лѣтописи Истор.-филол. общ. при Новорос. универс. IX (1901), стр. 178). Въ томъ же духѣ высказываю и теперь, тѣмъ болѣе, что разсматриваемая энциклопедія отнесена къ очень древнему времени. Это — своего рода мифологическая школа, представляющая себѣ стройное развитіе мифологической системы въ древнѣйшее время, системы, которая не дошла до насъ въ остатокъ-какъ въ видѣ современныхъ сказаній и обычаевъ.

Обращу вниманіе на одно замѣчаніе автора. На основаніи предполагаемаго существованія въ болгарской энциклопедіи Никифорова Лѣтописца, доведеннаго въ древнѣйшихъ редакціяхъ до Льва, Александра и Константина, авторъ говоритъ: «Не слѣдуетъ ли отсюда, что Симеонова энциклопедія составила до 920 года? Если это такъ, то очевидно, что въ первой древнѣйшей своей редакціи Еллинскій Лѣтописецъ не заключалъ хроники Амартола, переведенной по списку, доведенному продолжателемъ до 948 г. (года смерти Романа)» (стр. 34).

Но даже если бы мы и признали энциклопедію, то, во-первыхъ основанія слишкомъ произвольны для признанія двухъ ея редакцій, а во-вторыхъ, простое прибавленіе новой хроники не могло составлять редакціи. Однимъ словомъ, даже принимая одни положенія Шахматова, мы запутываемся въ лабиринтъ противорѣчій и недоразумѣній. Не чувствовалъ ли это уже самъ авторъ, когда сказалъ: «Весьма вѣроятно, что въ ней могли отсутствовать и другія статьи и сказанія: но они съ теченіемъ времени присоединялись къ тому обширному основанію, которое заложено было еще при Симеонѣ» (стр. 34). Это будетъ вполне понятно, если мы будемъ имѣть въ виду не «энциклопедію», а просто письменную литературу вообще, которая, конечно, по-полнялась постепенно, но основаніе ея было заложено при Симеонѣ.

Разумѣется, все то, что авторъ говоритъ на стр. 31 о томъ, «какъ еще въ древности сближались между собой отдѣльныя, однородныя по содержанію, части энциклопедій», падаетъ само собой. Представленіе о такомъ сближеніи осыовывается на Александріи, но ея «изученіе», какъ показано выше, не оправдываетъ большинства заключеній. Вообще, всякая мысль о какой-то болгарской энциклопедіи должна быть оставлена, хотя бы мы и признали, что начало Еллинскаго Лѣтописца восходитъ къ болгарской литературѣ Симеоновскаго періода. Объ Еллинскомъ Лѣтописцѣ будетъ рѣчь далѣе. Теперь же я только скажу, что эта энциклопедія, которую намъ нарисовалъ авторъ, даже если бы она и существовала, уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ называться Еллинскимъ Лѣтописцемъ и быть прототипомъ нашихъ извѣстныхъ Еллинскихъ Лѣтописцевъ. Если мы возьмемъ всю славянскую переводную литературу Симеоновскаго и послѣдующихъ періодовъ, то каждый памятникъ, заключающій въ себѣ выдержки изъ различныхъ произведеній, съ такимъ же правомъ можетъ быть возведенъ къ этой литературѣ т. е. энциклопедіи. Вся послѣдующая компилятивная литература въ концѣ концовъ приведетъ къ своимъ первоисточникамъ, которые всѣ въ совокупности и составятъ энциклопедію, особенно если мы примемъ во вниманіе вѣрную мысль Шахматова, что энциклопедія, заложенная трудами Симеона, постоянно пополнялась новыми памятниками. Съ другой стороны, та энциклопедія, которая возстановляется Шахматовымъ, не заключаетъ въ себѣ ничего характернаго: это просто собраніе стоящихъ безъ всякой между собой связи всѣхъ извѣстныхъ тогда памятниковъ переводной литературы. Еллинскій же Лѣтописецъ прежде всего есть Лѣтописецъ т. е. произведеніе историческаго характера; поэтому, и событія расположевы въ исторической послѣдовательности, насколько, конечно, хватало умѣнья автора. Авторъ не только располагалъ событія въ хронологическомъ порядкѣ, но и дѣлалъ выборку изъ доступнаго ему матеріала, т. е. производилъ извѣстную литературную работу, хотя намъ и остается иногда неяснымъ, почему онъ бралъ то, а не другое событіе. Возсозданный путемъ сравненія прототипъ Еллинскихъ Лѣтописцевъ все же будетъ Лѣтописцемъ т. е. памятникомъ опредѣленнаго типа, ничего общаго въ этомъ отношеніи не имѣющимъ съ «энциклопедіей». Поэтому, если прототипъ Еллинскаго Лѣтописца мы и возведемъ къ Симеоновскому періоду, то на томъ только основаніи, что всѣ памятники, изъ которыхъ онъ составленъ, могли существовать въ Болгаріи въ X вѣкѣ. Я говорю «могли», потому что относительно нѣкоторыхъ, какъ напр. относительно хроники Георгія Амартола, еще не рѣшенъ вопросъ, гдѣ они появились — въ Россіи или на славянскомъ югѣ.

Comment [AT36]: „Съ теченіемъ времени присоединялись и другія статьи и сказанія“ Та какви други статии и сказанія са се присъединили и кога? Това, което съдържа сборниците от XV, XVI и XVII век не може дори да достигне обема на сборника от X век!

Comment [AT37]: Ха, ха, ха!

Comment [AT38]: Удивителна мисль!

Comment [AT39]: Это върху какви солидни основи е изградена съветската наука!

В. Истринь.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О судьбахъ первоначальныхъ Русскихъ Лѣтописей и о славянскихъ азбукахъ: Глаголицѣ и Кириллицѣ.

Прежде чѣмъ говорить о предметѣ нашего изслѣдованія, не лишнимъ будетъ обратиться къ недавно изданному замѣчательному произведенію отечественной литературы, касающемуся отчасти и нашего предмета.

Съ особеннымъ вниманіемъ и необыкновеннымъ удовольствіемъ прочелъ я «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской», обогатившій отечественную нашу литературу. Предметъ, избранный авторомъ, г. экстраординарнымъ профессоромъ Московской Духовной Академіи Евгеніемъ Евстигнѣвичемъ Голубиискимъ, исчерпанъ имъ глубоко и разносторонне. Не оставлено безъ подробнаго изслѣдованія почти ничего важнѣйшаго въ этомъ предметѣ. Но, къ величайшему моему прискорбію, г. профессоръ мало обратилъ вииманія на моего любимца Григорія, епископа Болгарскаго, сопутника великой княгини Ольги въ ея путешествіи въ Константинополь. Его великая просвѣтительная дѣятельность начально въ Болгаріи и за тѣмъ у насъ въ Россіи не можетъ, безспорно, не заслуживать глубочайшаго уваженія со стороны нашихъ ученыхъ любителей отечественнаго просвѣщенія.

Г. автору угодно было напечатать, что Григорій, въ надписа-ніи Палеи, приложенной къ переводу Малалы у Калайдовича въ Іоаннѣ Экзархѣ, стр. 178, называется: Григорій презвитеръ, мнихъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, и сдѣлалъ слѣдующее при-мѣчаніе: что значить «мнихъ или презвитеръ инихъ всѣхъ церков-никъ», въ настоящее время мы не можемъ объяснить. Мы подозреваемъ, что извѣстное нынѣ чтеніе неправильно, и что нужно: презвитеръ мнихъ и (приставникъ, пастухъ, или что нибудь подобное) всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей.